

E.V. Sychenko

THE ROLE AND PLACE OF EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Elena Sychenko – a Doctoral Candidate at the Labour Law Department, the University of Catania, Catania, Italy; e-mail: e.sychenko@mail.ru.

This article is devoted to the study of the binding nature of the judgments as well as to legal positions of the European Court of Human Rights. It also deals with the analysis of antinomies between court decisions of the European Court of Human Rights and the ones of the Constitutional Court of the Russian Federation. The practice of the European Court is divided by the author into three groups: 1. Judgments on specific cases against Russia, regulating the relationship between the parties of the dispute 2. The legal positions expressed in the decisions in cases against Russia 3. The legal positions of the court, expressed in decisions against other countries.

Based on the analysis of Russian normative instruments along with the relevant research literature the author draws a conclusion about the binding nature of all three groups in the Russian Legal System and suggests that the legal positions of the ECHR along with its judgments should be referred to the sources of Russian law.

Keywords: The European Court of Human Rights; the legal position; binding nature of decisions; the source of law.

Е.В. Сыченко

РОЛЬ И МЕСТО ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Елена Вячеславовна Сыченко – докторант кафедры трудового права Университета г. Катания, г. Катания (Италия); e-mail: e.sychenko@mail.ru.

Статья посвящена исследованию вопроса обязательности решений и правовых позиций Европейского суда по правам человека и анализу противоречий между решениями Европейского суда и Конституционного суда РФ. Практика Европейского суда разделена автором на три группы: 1) решения по конкретным делам, вынесенные против России, содержащие нормы, регулирующие отношения между сторонами спора; 2) правовые позиции, выраженные в решениях по делам против России; 3) правовые позиции суда, выраженные в решениях против других стран.

На основании анализа нормативных актов России и научной литературы автор делает вывод об обязательности всех трех групп в российской правовой системе и предлагает отнести правовые позиции Европейского суда и его решения к числу источников российского права.

Ключевые слова: Европейский суд по правам человека; правовые позиции; обязательность решений; источник права.

Ратификация Российской Федерацией Европейской конвенции о правах человека (далее – Конвенция) ознаменовала новый период в развитии российской правовой системы. За прошедшие 15 лет решения Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) прочно вошли в категорию правовых актов, определяющих направление развития прав человека в

XXI веке. Особенно очевидно влияние суда прослеживается в области уголовного и гражданско-процессуального законодательства. Изменения в процессуальном законодательстве, предпринятые в ответ на решения против России, убеждают нас в авторитете Европейского суда в глазах российского законодателя, в признании за ним лидирующей позиции в области за-

щиты прав человека.

Вопрос о месте практики Европейского суда по правам человека в правовой системе России вот уже более 10 лет занимает ученых и практиков. Однозначное решение этого вопроса довольно сложно, поскольку практику Европейского суда можно условно разделить как минимум на три группы: 1) решения по конкретным делам, вынесенные против России, содержащие нормы, регулирующие отношения между сторонами спора; 2) правовые позиции Европейского суда, выраженные в решениях по делам против России; 3) правовые позиции суда, выраженные в решениях против других стран.

Мы последовательно рассмотрим все три группы и оценим их с точки зрения обязательности для российских правоприменительных и судебных органов.

1. Согласно Закону РФ «О ратификации Европейской конвенции о правах человека» [1] Россия признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях их предполагаемого нарушения Российской Федерацией. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» [4] выделяются обязательные правовые позиции ЕСПЧ, которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации, а также подлежащие учету правовые позиции, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств-участников Конвенции (п. 2). При этом в Постановлении отмечается, что такая правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского суда.

Таким образом, решения ЕСПЧ, принятые против России, содержащие нормы, регулирующие отношения между сторо-

нами спора, отличаются наибольшей обязательностью. Новые нормы процессуального законодательства России (Ст. 392 ГПК РФ, 4 ст. 413 УПК РФ) позволяют рассматривать решения ЕСПЧ как новые обстоятельства, ведущие к возможности пересмотра дела. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 разъяснило судам порядок разрешения вопроса о пересмотре дела. Согласно п. 17 указанного Постановления основанием для пересмотра судебного акта ввиду новых обстоятельств является не всякое установленное Европейским судом нарушение Российской Федерацией положений Конвенции или Протоколов к ней. Судебный акт подлежит пересмотру в том случае, если заявитель продолжает испытывать неблагоприятные последствия такого акта и выплаченная заявителю справедливая компенсация, присужденная Европейским судом, либо иные средства, не связанные с пересмотром, не обеспечивают восстановление нарушенных прав и свобод [4].

Одновременно необходимо, чтобы установленное Европейским судом нарушение позволяло прийти хотя бы к одному из следующих выводов: о том, что решение суда противоречит Конвенции по существу или о том, что допущенное нарушение Конвенции или Протоколов к ней, носящее процессуальный характер, ставит под сомнение результаты рассмотрения дела. При рассмотрении вопроса о необходимости пересмотра судебного акта российским судам необходимо учитывать причинно-следственную связь между установленным Европейским судом нарушением Конвенции или Протоколов к ней и неблагоприятными последствиями, которые продолжает испытывать заявитель.

2. В отношении правовых позиций Европейского суда, выраженных в решениях по делам против России, следует отметить, что необходимость их учета реализована лишь на стадии рассмотрения дела в российском суде. В случае же вступления решения в законную силу, даже если впоследствии Европейский суд по правам человека в аналогичном деле укажет на то, что выводы российского суда

противоречат основным положениям Конвенции, само решение и его правовые последствия изменить будет невозможно.

Вопрос о неконституционности подобного подхода стоял перед Конституционным судом РФ, который рассматривал на соответствие Конституции РФ новые положения ГПК РФ, позволяющие новое рассмотрение лишь того дела, по которому проводилось рассмотрение Европейским судом. Конституционный суд РФ, отказывая заявителям, отметил, что обратная сила решений Европейского суда по правам человека имеет определенные предметные и субъектные пределы и, по общему правилу, распространяется на судебные акты, вынесенные по конкретному делу и в отношении конкретного заявителя. Такой вывод учитывает специфику судопроизводства в Европейском суде по правам человека, который выносит свои решения преимущественно на основе анализа фактических обстоятельств конкретного дела [3].

Решение Конституционного суда РФ, с одной стороны, направлено на обеспечение «правовой определенности», а с другой стороны, умаляет значение правовых позиций Европейского суда и возможности их воздействия на российскую правовую систему [2].

3. Выделенная нами третья группа практики Европейского суда, а именно правовые позиции, выраженные в решениях против других стран, исходя из нормы Закона о ратификации Европейской конвенции, а также толкования Пленума ВС РФ, не являются обязательными для Российской правовой системы. При этом иное решение этого вопроса возможно при обращении непосредственно к п. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой установлен приоритет норм международных договоров над внутренним законом. Согласно ст. 32 Европейской конвенции к компетенции ЕСПЧ относятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34 и 47. Таким образом, правовые позиции ЕСПЧ, выраженные в реше-

ниях против иных стран, должны иметь обязательное значение для российской правоприменительной практики постольку, поскольку содержат толкование органа, за которым Российская Федерация признала право толковать конвенцию при ее подписании.

Статус решений и правовых позиций Европейского суда в российской правовой системе не раз был предметом научных исследований. Некоторые авторы полагают, что за решениями ЕСПЧ следует признать прецедентный характер [5] или прецедентный характер признается лишь за *ratiodecidenti* [8] таких решений. Другие авторы отрицают статус источника права за правовыми позициями Европейского суда, признавая при этом «прецедентами толкования» постановления суда, вынесенные против России [9], или включают прецеденты ЕСПЧ в правовую систему России в виде судебной практики [10]. При этом авторы не разъясняют статус «судебной практики» применительно к решениям Европейского суда.

Интересна позиция А.С. Симагина, исследовавшего значение практики ЕСПЧ в уголовно-процессуальном праве: «Статус судебных постановлений Европейского Суда заключается в том, что они не изменяют и не отменяют предшествующие судебные постановления российских судов <...>, но могут (должны) быть положены в основу последующих судебных решений (постановлений, определений, приговоров), обеспечивая их законность и обоснованность» [14]. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека, по мнению данного автора, имеют самостоятельное в сравнении с судебными постановлениями значение и обладают признаком обязательности для государств, ратифицировавших Конвенцию (в частности, для Российской Федерации), вне зависимости от того, являлось ли оно (государство) стороной разрешенного спора или нет [14].

Возможно ли, в силу доказанной выше обязательности правовых позиций ЕСПЧ, отнести их к источникам российского права? Этот вопрос возникает, поскольку российская правовая система от-

носитя к романо-германским системам права, в которых судебный прецедент не является источником права. Это, по мнению некоторых ученых, исключает возможность признания судебной практики в качестве источника российского права [7. С. 7; 12. С. 107; 13. С. 12].

Критикуя подобный подход, отметим, что в эпоху глобализации и частичного смешения черт как романо-германской, так и англо-саксонской систем права, полагаем неправильным отрицать нормативный характер толкований ЕСПЧ лишь в силу традиционной ассоциации нормативности судебных решений с прецедентом, а прецедентов – с чуждым российской правовой системе элементом. На наш взгляд, очевидно, что само по себе вступление России в Совет Европы и признание юрисдикции Европейского суда (который, в свою очередь, создал свое прецедентное право) не позволяет больше отрицать статус источника права за практикой ЕСПЧ.

Дополнительное обоснование нашего вывода мы видим в возможной аналогии значения решений ЕСПЧ с практикой Конституционного суда России, которая теперь уже практически единодушно рассматривается как источник российского права. Оба суда представляют собой главные органы толкования фундаментальных для российского права документов – Конституции РФ и Европейской конвенции о правах человека. В связи с этим полагаем возможным заимствовать подход к определению статуса источника права для практики ЕСПЧ из науки конституционного права.

Л.В. Лазарев определяет решения Конституционного суда как нормативно-интерпретационные акты [11]. Полагаем, что данное определение может быть использовано и в отношении решений ЕСПЧ. Хотя суд, безусловно, не наделен правотворческими полномочиями, его деятельность по толкованию Европейской конвенции часто позволяет констатировать появление новых норм. В качестве примера можем привести нашумевшее дело Константина Маркина против Российской Федерации [16]: суд решил, что отказ от предоставления отпуска по уходу

за ребенком мужчине-военнослужащему является дискриминацией и противоречит Европейской конвенции. Таким образом, можно говорить о создании нормы о том, что отпуск по уходу за ребенком должен предоставляться всем военнослужащим вне зависимости от пола (оставим пока в стороне особенности этого дела и его интерпретацию Конституционным судом РФ). Правовая позиция суда – это другое важное понятие, определение которое может быть заимствовано из конституционного права. Например, Б.А. Страшун понимает правовую позицию Конституционного суда как общеобязательное предписание и для законодателя, и для правоприменителя [15]. Полагаем, что исходя из нормы закона о ратификации Европейской Конвенции, а также из норм Конституции РФ (ч. 4 ст. 15) и ст. 32 Европейской конвенции, можно понимать правовую позицию ЕСПЧ как сложившийся в практике суда подход к толкованию норм Конвенции, имеющий обязательный характер для российской правовой системы, вне зависимости от того, в решении против какой страны эта позиция была выражена.

Таким образом, несмотря на классическое для романо-германской системы права непринятие судебного решения в качестве источника права, решения ЕСПЧ, содержащие как конкретные нормы, подлежащие исполнению в конкретном деле, так и толкование Европейской конвенции, следует относить к источникам российского права. Данный вывод подводит нас к другому вопросу – о месте правовых позиций ЕСПЧ в системе источников права и их соотношении с правовыми позициями Конституционного суда РФ.

Согласно Постановлению Конституционного суда РФ от 6 декабря 2013 г. № 27-П [3] противоречия между решением Европейского суда по правам человека и постановлением Конституционного суда РФ могут быть разрешены Конституционным судом РФ. КС РФ постановил, что исходя из пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса РФ в случае обнаружения подоб-

ного противоречия при пересмотре дела в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, суд первой инстанции имеет право приостановить производство по делу и обратиться с заявлением в Конституционный суд РФ. Таким образом, в случае противоречия последнее слово оставлено за Конституционным судом РФ. Остается надеяться, что предложенный механизм будет взвешенно использоваться и будет направлен на достижение компромисса, обеспечив реализацию правовых позиций ЕСПЧ в условиях национальной самобытности, не умалив при этом права человека, предусмотренные Европейской конвенцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон РФ от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» // Собрание законодательства РФ. 1998. 6 апреля. № 14. Ст. 1514.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2013 г. № 505-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Одноворцовой Натальи Викторовны на нарушение ее конституционных прав и конституционных прав ее несовершеннолетнего сына Одноворцова Матвея Евгеньевича пунктом 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также граждан Одноворцова Валерия Васильевича и Одноворцовой Татьяны Петровны на нарушение их конституционных прав тем же законоположением». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» // Российская газета. Фед. выпуск. 2013. 18 декабря. № 626.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1956 г. и Протоколов к ней» // Российская газета. Фед. выпуск. 2013. 5 июля. № 6121.
5. Берестнев Ю.Ю. Меры общего характера и влияние практики Европейского Суда по правам человека на национальные правовые системы // Российская юстиция. 2001. № 12.
6. Беше-Головко К. Исполнение решений европейского суда по правам человека как обязательство любого члена Совета Европы // Реализация Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод: проблемы и перспективы: сб. материалов международной конференции, 11–12 ноября 2010 года, г. Пермь / сост. Т.И. Марголина, Д.М. Колмогорова. Пермь, 2010.
7. Гурова Т.Н. Судебный прецедент как формальный источник права и его место в системе источников права в России // Атриум. 1997. № 3. С. 7.
8. Дидикин А.Б. Влияние решений Европейского Суда по правам человека на российское судопроизводство // X Международная конференция по проблемам развития экономики и общества: сб. докладов. Т. 3. 2009 г. URL: <http://conf.hse.ru/2009/s3> (дата обращения: 20.10.2013).
9. Ершова Е.А. Правовая природа постановлений Европейского суда по правам человека // Трудовое право. 2009. № 2 (108). С. 85–99.
10. Курдюков Г.И., Александров С.В. Международный и конституционно-правовой аспекты юридической природы постановлений Европейского суда по правам человека // Юридический мир. 2012. № 6. С. 46–50.
11. Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: ОАО «Издательский дом "Городец"»; Формула права, 2003.
12. Нерсесянц В.С. У российских судов нет правотворческих полномочий // Судебная практика как источник права. М., 2000.
13. Рогожин Н.А. Судебная практика и ее роль в правовом регулировании

предпринимательской деятельности. М.: Волтрес Клувер, 2004. 240 с.

14. *Симагин А.С.* Конвенция о защите прав человека и основных свобод и протоколы к ней в системе источников уголовно-процессуального права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 34 с.

15. *Страшун Б.А.* Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права // Конституционное пра-

восудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Ереван. 2001. Вып. 4(14); 2002. № 1(15). С. 154–167.

16. Постановление ЕСПЧ от 22.03.2012 г. «Дело "Константин Маркин (Konstantin Markin) против Российской Федерации"» (жалоба № 30078/06). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».